

«Волшебник театра» Джорджо Стрелер

Фамилия звучит на немецкий лад: родом он был из Триеста, о котором говорят, что это австрийский город, где люди почему-то решили говорить по-итальянски. На самом деле Триест — место вполне международное, но, как часто бывает с пограничными городами, страстно привязанное к одной из многочисленных национальностей, в нем представленных, в данном случае — к итальянской. И Стрелер со своей тевтонской фамилией был во всем, до последней черточки своего характера и многогранной гениальности, именно итальянцем, причем место ему нашлось бы и в расцвете Ринашimento, так же, как находилось сейчас во всем мире. А особенно, кроме родной Италии, во Франции, связь с которой была у него органичной и в которой он видел квинтэссенцию Европы. Он был также страстным, убежденным европейцем, еще в те времена, когда о Европе лишь робко мечтали ее отцы-основатели. Еще тогда он был уверен, что Европа — уже существующая реальность нашего ума и сердца, только надо суметь воплотить ее, прежде всего в культуре.

Он покинул этот мир в возрасте 76 лет, от внезапного (как часто бывает у людей крепких и энергичных, а он такий и был) сердечного приступа, в то время как готовил очередную оперную постановку, с некоторых пор излюбленное дело, и боролся с властями разного уровня и направления за помещение, в котором хотел начать новый театр. Название он собирался дать ему почти то же, что у театра, с которого начался его триумфальный путь «театрального волшебника»: тот, первый, был «Миланский Маленький театр», «Il Piccolo Teatro di Milano», а новый должен был называться «Новым Маленьким». Но этим планам уже не суждено было осуществиться. Во всяком случае можно только порадоваться тому, что ушел в действие, в борьбе, в разработке новых и всегда ярких проектов.

«Il Piccolo», как принято было называть в ласково сокращенном виде творение Стрелера, — это часть истории культуры послевоенной Европы и европейской культуры в ее совокупности, поэтому на фигуре и творчестве этого человека нельзя не остановиться, хотя уходят от нас ежедневно многие, и часто очень знаменитые или высокопоставленные люди. У Стрелера были в высшей степени все характерные черты настоящего художника, в первую очередь любовь к жизни и интерес к людям, затем доведенное до совершенства чувство гармонии и интерес ко всему новому, но на солидной почве широкой и органично воспринятой культурной традиции.

Для Италии, вышедшей из фашизма и той изоляции, которую он внес в культурную жизнь страны, Стрелер был именно тем человеком, который бурно и неудержимо разрушал все барьеры и вводил через театральные подмостки мировую культуру на землю, когда-то бывшую для этой культуры родиной и неиссякаемым источником. Во всех других странах, где он становился все более желанным гостем, он был выразителем и в чем-то даже символом единства и высшего значения европейской культуры: ее человечности, ее духовных поисков, мучительных и в то же время радостных, потому что поиски — сами по себе радость. Он был человеком не религиозным, далеким от Церкви, человеком той эпохи, когда интеллигенция видела в Церкви лишь еще одно лицо власти, а власть она не любила.

Из умственного и духовного тупика, в который после войны зашли многие интеллигенция и который привел их туда, куда пришла и наша российская интеллигенция в дореволюционные годы, — к мечтам о рае на земле, — Стрелер, насколько нам известно, так и не вышел. Тем не менее честность и страстность его интеллектуальных и духовных поисков была настолько велика, что неизвестными путями приближалась к общению с Богом.

В его театральных, а затем, очень

скоро, и оперных постановках (он вырос в семье, где все занимались музыкой и любили оперу) жива великая итальянская традиция театральной импровизации, постоянного изобретения в действии, тоскливой и веселой насмешки в первую очередь над самим собой, игра, не знающая границ, — и в то же время то слияние театра с жизнью, с драмой человеческого пути на земле, которое он, по всей вероятности, сумел уловить и почерпнуть из русской театральной традиции в ее самых тонких и глубоких проявлениях.

Италия времен фашизма ввела в театр пошлость и вульгарность вместе с помпезностью — то, что свойственно диктатуре. Стрелер был тем прирожденным революционером, в какой-то степени, может быть, даже анархистом, который все это встряхнул и вымел пыль. О нем можно сказать, что первой целью и смыслом всей его работы было стремление к правде. Ведь и фантазия может быть отблеском и отражением правды в самом глубоком смысле, она даже должна быть таковой, если она действительно фантазия. В этом смысле, как мне кажется, Стрелер был очень близок к Феллини. А его идея «маленького» театра (вскоре ставшего одним из самых знаменитых в Европе) была жестом сопротивления против всего торжественного, официального, по видимости большого, а на самом деле пустого.

Он был инициатором и создателем Театра Европы, рожденного по его инициативе в Париже — для него всегда столице этой Европы, «которую мы должны построить умом и культурой», — и некоторое время остававшегося под его управлением. Политически он был, конечно, человеком левых убеждений и направленности, хотя активно в политической жизни не участвовал и быть левым означало для него быть свободным (отсюда вытекало абсолютное неприятие всякой авторитарной власти) и откликаться на человеческие беды и проблемы. Недаром же многие исследователи марксизма видят в этом «учении» пародию на христианство: гуманность, вполне аутентичная и честная, но не уходящая корнями в христианство, почти неизменно толкает в сторону левых политических взглядов. Но Стрелер никогда не поддавался соблазну «политически корректного».

Мне лично ярко вспоминаются две встречи с его театром — обе они были характерны для его постоянного конфликта с миром условностей и приличий. Первая — в Латинской Америке, в Венесуэле, стране с многочисленной итальянской эмигрантской колонией и соответственно большим дипломатическим корпусом, который реагировал на блестящий, живой и очень иронический спектакль как на скандал. Тогда театр был еще действительно «piccolo», и можно было сказать, что это дилетанты. Затем слава стала расти, и последний спектакль, который, помнится мне, в театре «Одеон» в Париже (где играет Театр Европы), очень официальный, с присутствием опять-таки всей знати и дипломатического корпуса, с исполнением гимнов — и с полным недоумением высокопоставленных гостей в ложах, в то время как публика в партере и особенно на галерке буквально сходила с ума от восторга.

В последние годы жизни у него было много неприятностей. Его пытались даже как-то впутать в пресловутую «операцию чистых рук», просто потому, что он мешал и смущал своим неутомимым талантом. А после его кончины началась чрезвычайно некорректная ссора за наследство между двумя женщинами, которые каждая по-своему были ему близки. Можно было бы сказать, что это печальный конец. Но на самом деле конца нет, потому что театр после Стрелера всегда будет носить печать его вклада в него, вклада в то, что сегодня принято называть (может быть, и справедливо) экологией культуры.

ИРИНА ИЛОВАЙСКАЯ

Рим — Париж